

М. Касмалинский

ТРОМ А

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Касмалинский

Трюм "А"

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70581520

SelfPub; 2024

Аннотация

"Трюм А" – первый трюм времени, внешне напоминающий тюремную камеру, где содержатся: Даниил Андреев – советский писатель-мистик; Протопоп Аввакум – русский священнослужитель; Жозе Фариа – католический аббат; Вера Фигнер – осужденная за терроризм; Алексей Навильный – осужденный за экстремизм; Иоанн Антонович – император всероссийский, Виночерпий, Торговец. Покинуть Трюм заключенные могут, выполнив требования Тюремщика, но сделать это непросто. Драматургия в проблеме выбора: кто согласится на отречение, а кто – нет, что такое жертвенность во имя идей?

Максим Касмалинский

Трюм "А"

Действующие лица

Даниил Андреев

советский писатель-мистик

Протопоп Аввакум

русский священнослужитель

Жозе Фариа

католический аббат

Вера Фигнер

осужденная за терроризм

Алексей Навильный

осужденный за экстремизм

Иоанн Антонович

император всероссийский

Виночерпий

Торговец

Тюремщик

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Тюремное помещение с рядами деревянных нар. Один угол задернут занавеской, в другом – умывальник и ритуальное ведро «параша». В центре расположен грубо сколоченный

стол, вокруг которого в разброс стоят табуретки. Сбоку – закрытая металлическая дверь с маленьким окошком «кормушкой». На стене висит постер голливудской актрисы, достающий нижним краем до пола.

За столом Аввакум, Фариа, Торговец, Алексей и Иоанн играют в карты. Вера долго и тщательно моет кружку у умывальника. Андреев сидит по-турецки на нарах.

АНДРЕЕВ (тревожно). Вера. (Пауза). Вера!

Картежники переговариваются: «Еще семерка... дама... а бубновая!».

Вера!

ВЕРА. Нет веры!

АВВАКУМ (глядя в карты). Бойтесь малoverы..., и ты дщерь високоумная вельми паче.

Вера подходит к столу и брызжет водой с пальцев на Аввакума.

ВЕРА. Не придурайтесь батюшка.

АВВАКУМ. Че началось-то? Нормально же общались.

Вера заглядывает в карты Алексея, потом в карты Торговца.

ТОРГОВЕЦ. Не везет мне в картах, повезет в любви.

ВЕРА. Размечтался.

АЛЕКСЕЙ (смотpит в карты, говорит между делом). Долго пытаются нашего кореша. Так и не вернется... восьмой узник.

ТОРОГВЕЦ. В случае чего его пайку поделим.

Алексей отбивается и переворачивает карты.

ВЕРА. Встрял!

ТОРГОВЕЦ (*встает*). Садись! Меняемся.

АЛЕКСЕЙ. Почему? Я отбил.

ТОРГОВЕЦ. Карты может переворачивать только говно.

Кто нарушил – переходит... Так что я теперь сажусь на твое место, на дворника, а ты на говно. Палач, принц и король (*показывает поочередно на Фариа, Ивана и Аввакума*) остаются на своих.

Алексей (*пересаживается*). И я хожу, да? (*бросает карту на стол*).

ФАРИЯ (*подбрасывает*). Это вам не преферанс.

ИВАН (*тоже кидает карту*). И не фараон, да?

ВЕРА. В самом деле! Играли бы во что умное. Серьезные люди, а в «Короля и говно» режутся.

ИВАН. Зато весело.

ТОРГОВЕЦ. Бито! Лёха, прибирай. (*Ходит на Фариа*) сон мне тут приснился... мутный. Я реализую хлебобулочные... (*подкидывает карту*). Такая зерновая сделка, что условия ее – носить хлеб на голове. Савишь лотки деревянные на макушку... и погнали. Что бы это значило, Жозе?

ФАРИА. По снам у нас Данила – толкователь.

ВЕРА. Какой Данила?

АВВАКУМ. Заточник.

ВЕРА. Какой Данила?

ИВАН. Толкователь сей умом поврежден. «Мене, текел,

фарел» на кремлевской стене... И привет, пишите письма.

АНДРЕЕВ (*подходит к столу*). Огненные буквы на стене – знак верный.

ВЕРА. А я думаю, какой Данила, какой плеер?

ТОРГОВЕЦ. Плеймейкер.

ВЕРА. Да какая разница?!

АНДРЕЕВ. Огненные буквы – знак! Даже группа картежников имеет свой эргрегор. А страна – тем более. Нужно просто уметь считывать информацию, содержащуюся в биополе, созданном коллективным разумом.

ВЕРА (*недовольно*). Ну, началось (*уходит, скрывается за занавеской, кричит оттуда*). Если что, я у себя!

АЛЕКСЕЙ. Антинаучная теория.

ФАРИА. А наука – антицерковная штука. Религия по сути – антимифология. Все на свете можно определить через отрицание.

АЛЕКСЕЙ. Фашизм есть антилиберализм.

ФАРИА. Это мелочи. (*Торговцу*) все? Бито. (*Ивану*) ваше высочество козырная дама (*кидает карту*). Туз и король вышли. Пожалуйста на говно.

Пересаживаются.

АНДРЕЕВ. (*Аввакуму*). Небесная Святая Русь! Разве это не создано совокупным волевым зарядом всех русских людей, богоизбранным народом? Выше рожденная монада, народоводитель русской метакультуры – это божественный замысел.

АВВАКУМ (*не отрываясь от карт*). Господу больше делать-то нечего, как разбираться в человековых шайках.

АНДРЕЕВ. Россия по-вашему – шайка?

ФАРИА. Даже Португалия для Неба – мелкое сообщество.

ТОРГОВЕЦ. В семьдесят четвертом веке уже Россия – крупная держава. А Португалия распалась.

ФАРИА (*равнодушно*). Бывает. (*Подглядывает в карты Аввакума*). Можно подумать что-то не распалось.

ТОРГОВЕЦ. А семьдесят четвертый век – это двадцатый от Рождества Христова.

АВВАКУМ. Ишь ты! Посчитали. (*Презрительно*) математики! Откуда ж узнали-то?!

АЛЕКСЕЙ (*собирает карты, тасует*). Все даты – условность.

Андреев согласно кивает, он все это время медленно ходит туда-сюда, заложив руки за спину.

ФАРИА. Я вам больше скажу, все цифры – условность. Интересный факт, в Парагвайской губернии живут у нас индейцы гуарани. И с этим племенем проводили опыт мои товарищи...

АВВАКУМ (*поднимая палец вверх*). Иезуиты!

ФАРИА. Ну да, товарищи. Коллеги по Ордену.

ТОРГОВЕЦ. А что за опыт? Над живыми людьми?

ФАРИА (*игнорируя вопрос*). Так вот! В цивилизации индейцев отсутствуют цифры и числа. Счёт, как таковой. Они

в принципе не могут сказать, что... вот три дерева. Индеец скажет – кривое, больное и то, где ветка, с которой Соколиный Хвост упал и заплакал. У него не пять детей, а Мая, Яя, Хая, Шу и Жабий рык – самый маленький.

ТОРГОВЕЦ. Так не бывает. А как покупать и продавать без цифр? Нет, невозможно.

ИВАН. Считать. Если бы я не мог считать, то кошмар! Нельзя без смысла сути, да? Нельзя. Моргаешь и считаешь, моргаешь и считаешь, четыре тысячи морганий в час. Четыре тысячи просветов, четыре тысячи побегов...

ФАРИА. Тем не менее, живут-выживают в сельве. Индейцы-гуарани, да... А если их культура разовьется до нужного уровня, то я представляю, как бы выглядела формула ньютоновских законов – ха-ха-ха! – мешок разноцветных ленточек и камешков. Удивительное сознание.

АВВАКУМ. У нас-то так же. Вогулы, зыряне – народы странные. Нам европейцам непонятные.

АЛЕКСЕЙ (*бьет рукой по столу*). Так вы признаете, что русские-европейцы?! Признаете?!

АВВАКУМ. Отвянь, безбожник.

ФАРИА. Нет для Господа ни элинов, ни иудеев.

ИВАН. Играть будем?

ТОРГОВЕЦ. Чайку испить... пойду закажу.

Подходит к двери открывает кормушку, берет оттуда два стакана в серебряных подстаканниках, один – себе, другой отдает Фариа, рядом с которым остановился Андреев.

АНДРЕЕВ. Расскажите, что хотела католическая церковь принести индейцам? Идея в чем? Каков был именно план... алгоритм действий?

АЛЕКСЕЙ. Вау, подождите! Но человеческое сознание не может без обобщений. Есть стандартные инструменты мышления, врожденные свойства, биологически обусловленные.

ФАРИА. Человеческое сознание еще не на то способно. Нас, например, здесь собрать.

АНДРЕЕВ. Где это «здесь»? *(снова начинает медленно расхаживать)*.

ТОРГОВЕЦ. Верней сказать: «в когда»?

ИВАН. Кого это «нас»?

ФАРИА. Если есть трюм времени, то есть и его палуба. Есть парус времени, есть рулевой. А ветер, который несет корабль – это выше человеческого сознания. А, Лёша? Но индейцы могут представить и ветер, и штиль. Цунами времени! А развитое, как мы считаем, сознание даже трюм времени *(обводит руками помещение)* представляет довольно смутно. И единственный вывод делает, что, если есть трюм «А», значит должен быть трюм «Б». *(Пьет чай)*. Между прочим, его императорское величество зрит в корень.

Иван приосанился. Из-за занавески появилась Вера, которая подошла к нему и стала ласково гладить волосы Ивана.

АЛЕКСЕЙ *(встает)*. Ах-ха! Есть неувязка. Мы все здесь враги государства и предатели родины. Ввиду приверженности идеям – разным у каждого, но опасным для власти – нас

приговорили к тюремному заключению. Это нас объединяет в «нас». Окей. Но Иван Антонович был ребенком и его преступление, лишь в самом факте рождения. Родился в определенное время, в определенной семье и – застенки. Его присутствие в трюме – нелепость.

АВВАКУМ. Кому – нелепость, а кому – промысел.

АНДРЕЕВ (*нервно*). Нет, это как раз объяснимо. Его вызволяли! Пытались вызволить. Попытка освобождения Ивана Антоновича была вызвана заключением Россией перемирия и впоследствии мирного договора. Вернуть престол Ивану Антоновичу вознамерились сторонники продолжения войны и... (*Ивану*) ваше величество, вы же согласились?

АВВАКУМ. Бы!

АНДРЕЕВ. Вы бы согласились?

ИВАН. Вне всякого сомнения, да.

АНДРЕЕВ. С условием продолжить войну? Свою свободу выкупить ценой многих жизней? Простых ребят, русских крестьян, набранных в рекруты... Под пушки бросить деревенских парней... ради собственной свободы?

ИВАН. Не свободы. Трона.

ВЕРА (*глядя Ивана*). Ох ты мой маленький деспот... тиран.

ТОРГОВЕЦ. Император! Эй, идущие на смерть приветствуют тебя!

АЛЕКСЕЙ. Император – не святоша. Без убийства он не может удержаться на маршруте, а в тоске на смертном ложе

ты мечтал о Марке Бруте. Иван Антонович, Иван Антонович...

ВЕРА. А вы бы отказались, Лёша?

Алексей молчит, садится за стол, тасует карты.

ФАРИА. Сколько вам лет Иван Антонович? В ваши годы нельзя быть предателем. Я всегда это говорил.

АВВАКУМ. Законный государь, есть помазанник Божий. *(Пауза)* свобода – есть дар.

ВЕРА. Свобода не подарок, а приз. *(Садится за стол, забирает карты у Алексея, раскладывает пасьянс).*

ФАРИА. Все как в Англии: после Карла Первого Кромвель; после Кромвеля – Карл Второй и, быть может, после Якова Второго – какой-нибудь шурин или другой родич, какой-нибудь принц Оранский; бывший штатгальтер станет королем, и тогда опять – уступки народу, конституция, свобода. Нет иного пути к свободе, как ее выклянчить.

ВЕРА. Свободу нужно завоевывать!

АВВАУМ. Ну вот опять двадцать пять.

ТОРГОВЕЦ *(иронично)*. Святые отцы против Веры. Экуменический сговор католиков с православными.

АЛЕКСЕЙ *(напевает)*. Римский папа поджег все иконы и сам взорвал....

АВВАКУМ *(веско)*. Ватикан – это раскольники. Ослушники. Их можно не любить, но с ними допустимо разговаривать. С ними можно спорить. А русская никонианская церковь – еретики! Анчихристовы опричники. А уж лютеране!..

ИВАН (*угрожающе*). Так-то у меня папа протестант.

АВВАКУМ. На августейшие особы закон не действует.

ВЕРА. Печально то, что даже когда порубили бошки августейшим особам, появились высшие среди низших, ставшие над законом.

АВВАКУМ. Закон Божий – главное мерило всего.

ИВАН. Читал я Библию. (*Пауза*). Библию... Одну лишь Библию и ничего кроме Библии.

ФАРИА. При всей любви к Божьей истине, надо понимать метафоричность святых текстов. Здесь не нужно толковать буквально.

ВЕРА. Индейцы ваши так могли бы рассказать теорию эволюции. Как в книге Бытия описано.

ФАРИА. Один еретик предположил, что все житие Иисуса – аллегорическое описание изобретения паровой турбины в Александрии Египетской. Как раз по времени совпадает. (*Пауза*). А воскресение и предсказание второго пришествия... верно и апокалипсис... да-да, и в Откровении тоже речь идет о промышленной революции.

АНДРЕЕВ. Моя книга. (*Пауза*). Книга... Моя «Роза Мира» венчает все священные тексты.

АВВАКУМ. Много таких гениев было. Все на Муромском погосте упокоились.

АНДРЕЕВ. Вы не понимаете!

АВВАКУМ. Куда уж мне...

АНДРЕЕВ. Священный текст – это не устав. Это... не

кнут, а пряник... поощрение. Ветхий завет – авансом, Новый завет – получка. Коран – оплата за сверхурочные. Моя книга – премия. Годовая премия и окончательный расчет.

ТОРГОВЕЦ. А может, «Роза Мира» – пенсия, в которую никто не доживет?

АНДРЕЕВ (*помолчав, печально*). Этого я боюсь больше всего.

ФАРИЯ (*с любопытством*). А зачем вам это? Книга, написанная в страданиях, книга, которую не поймут.

АНДРЕЕВ. Как?.. для смысла... человек должен для чего-то жить... что-то дать...

ФАРИА (*обращаясь к Торговцу*). Никогда не понимал прозелитизм. Если ты знаешь больше других или (*кивает на Веру и Алексея*) кажется, что знаешь больше других, так зачем делится? Не почетней ли отстраненность, как у звездочета города Элам? Который знает о движении планет. Среди плоскоземельщиков, танцующих на спинах трех слонов. Зачем делится знанием?

ТОРГОВЕЦ (*с гордостью*). Я никогда! Ни с кем! Не делился.

ФАРИА. Звездочет города Элам вас презирает.

ТРОГОВЕЦ. А я – вас.

С лязгом открывается дверь и в помещение влетает Виночерпий. Он падает на пол. Алексей и Вера поднимают его, отводят к нарам, кладут. Вера впоследствии возвращается к столу. Алексей успокаивает Виночерпия.

ТОРГОВЕЦ (*барабаныя пальцамя по столу*). Меня после допроса волоком несли.

АВВАКУМ. Меня после допроса – сожгли.

ИВАН. Счастливая доля – допросы, пытки. А каково царю в подвале крепости? (*Вздыхает*). Крыса, да? Хвост ее гладкий. Длинный... На вкус – живой язык... И счет. Камни в стене перечитал. Потом моргнул – раз, моргнул – два... Три тысячи раз моргнул. Восемь тысяч....

АВВАКУМ. Потому что молитве не обучен. Святыми молитвами и посещением ангелов небесных сподобившись, яко святые старцы в непрерывном общении с сущностями бестелесными пребывали.

АНДРЕЕВ. Посещение ангелов... (*Аббату*) так что индейцы, святой отец?

ФАРИА. Что именно вас интересует? Как строилось новое общество?

ИВАН (*машет рукой*). Все равно не получилось! (*уходит, ложится на нары, самые дальние от того места, где сидит Алексей рядом с Виночерпием*)

ФАРИА. Что ж... Извольте. Иезуитам, ордену святого Игнатия, удалось получить у испанской короны земли в Америке. Коренное население – индейцы, дикари – встретили их настороженно на первых порах. А иезуиты задались великой целью: построить здесь общество всеобщего равенства, братства... Коммуну. Это случилось, обратите внимание, задолго до идей Сен-Симона и общин Оуэна. Почва бы-

ла – индейцы находились на самой ранней стадии развития, родовые отношения, отсутствие излишков. Орден взялся за дело. Где-то убеждением преодолевалось недоверие туземцев, где-то применялась сила... Итак, первым делом жилье. Всем семейным были построены дома. Хижины, само собой, но в том климате такой шалаш самое удобное. Семейным – хижины, одиноким – бараки. Общежитие. Также всем была предложена работа. Земледелие, в основном. Мастерские для собственных нужд и для нужд Ордена. Было организовано самоуправление – совет из представителей всех родов занятий. Делегат от дровосеков, делегат от сборщиков mate, и так далее. Все это под контролем иезуитов. Только общая собственность. Ничего не может находиться в частном пользовании. Кроме, может, предметов гигиены. Счастливая жизнь была регламентирована. Четкий распорядок дня: подъем по колоколу, молитва, потом в поля на работу, после работы чтение Писания, молитва и домой. Идиллия. Это все известно, но (*Андрееву*) вас же интересует теологический аспект? (*Андреев утвердительно кивает*). Христианство гурани было только внешним. Их покорность и пассивность не имели ничего общего с христианским смирением. И их пантеистская, языческая сущность никуда не делась, и если человеческие жертвоприношения были запрещены, то это не значит, что их не делали. Делали... Иезуитам, кстати, пришлось по вкусу. Так что миссионерская деятельность получилась... обоюдной.

ВЕРА (*ехидно*). Святому Игнатию жертвы приносили?
ФАРИА. Меня там не было. Не знаю.

Пауза.

ТОРГОВЕЦ. Есть в этом некая дилемма. А может ли многочисленный и развитый... нет плохое слово! Более организованный народ вмешиваться в дела народа маленького? И строить ему – зачастую насильно – прогрессивное общество.

АВБАКУМ. Это долг народа просвещенного – нести диким племенам огонь истины.

ТОРГОВЕЦ. Почему же Русское царство так истошно сопротивляется, когда Европа внушает ему свои достижения?

АВБАКУМ. Европа в ереси погрязла!

ТОРГОВЕЦ. Тоже самое думают о русских покоренные сибирцы. (*Вынимает стеклянный стакан, ставит на стол, а подстаканник с трудом сминает и прячет за пазуху*). Богат русский язык, богат... но там, где о родстве – невероятная прореха. Брат и есть брат, одно слово. Дядя, и дядя... а кто младший, кто старший... кто со стороны матери, кто отца, не различишь. Или слово «друг». В русском языке только один термин, в телёсском наречии девять разных слов – для друга детства, друга по охоте, друга, с которым весело. Мой друг, которому я не друг – есть такое слово в русском языке? А у них есть. У них много что есть. У них свой уклад, свои ценности, вполне нравственные. И ваши казаки с саблями – безликие и бездуховные, пьяные и развратные – навязывают образ жизни.

АВВАКУМ (*долго молчал, думал*). Ежели я скажу, что нельзя – грех это! – навязывать другим свою веру, так значит – уберите русские остроги с земли остяков?

ТОРГОВЕЦ. И вогулов (*разводит руками*).

ВЕРА. Это, действительно, очень сложный вопрос.

Тишина. Слышно, как всхлипывает Виночертий.

ФАРИА. Таким образом, попытка построения в Парагвае общества нового типа, справедливого и, (*Вере*) если угодно коммунистического, строя, окончилась провалом.

ВЕРА. Коммунистического и католического? (*хмыкает*).

АНДРЕЕВ. К сожалению, все подобные проекты рухнули. Но это не говорит о том, что нужно опускать руки, и через многие ошибки мы придем к идеальному устройству.

ВЕРА. К изобилию. К счастью, вы конце концов!

АВВАКУМ. Не след счастье иметь в жизни земной, дана коя для претерпевания страданий и скорбей. Се познано будет в день скончания века, потерпим до тех пор.

ВЕРА. Нет! Терпеть не будем!

АВВАКУМ. Терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия... буду терпеть и я. Острог – место тяжелое. (*Пауза*). Плоть человеческая тоже острог, где томится душа.

ВЕРА (*злится*). Сколько можно?! Потерпи, потерпи. А потом может быть вознагражден будешь... Поповские сказки!

ТОРГОВЕЦ. Коммунистические сказки из того же сбор-

ника.

ВЕРА (*Торговцу*). Вы не видите разницы? Стремление улучшить жизнь сейчас и настойчивое желание зафиксировать, заморозить. Плюс ложная надежда на загробный мир.

ФАРИА (*мягко*). Я тоже представлял себе загробный мир иначе.

ВЕРА (*сникла*). Да... Бывают такие... пердимонокли...

АНДРЕЕВ. Все придет, Вера. Все придет. Над Русской равниной сияет Россия Небесная.

ТОРГОВЕЦ (*ворчит*). И небесный запад ей жить не дает.

АНДРЕЕВ. Нет, что вы! В едином человеческом обиталище нет места политическим дрызгам (*задумался, отошел к двери*).

ТОРГОВЕЦ. Скучно без политических дрызг. А если у человека талант? (*Вере*) а если у человека талант к торговле? Вот такой он есть прирожденный бизнесмен. С генетическим кодом – склонность к наживе. И что с ним делать в вашем светлом будущем? Значит такие предприимчивые – изначально враги. Чужаки. Их, значит, в расход?

ВЕРА. Перевоспитывать.

ТОРГОВЕЦ. Тогда и царская власть действует закононо: перевоспитывает тех, кто не подходит в идеальное общество, как она его представляет. Тогда и протопоп сожжен справедливо.

АВВАКУМ. За веру.

ТОРГОВЕЦ. Спаситель пострадал за веру. Ты-то куда?

Молчание.

АВВАКУМ (*задумчиво*). Вера христианская зачалась с воскресением Спасителя.... Тогда Христос не мог пострадать за веру. Вера-то в него. И сильно после.

ФАРИА. Сдаешь, брат мой. Стареешь.

Пауза.

ВЕРА. Данила, иди к нам.

АНДРЕЕВ (*говорит по пути от двери к столу*). Злые начала, демоны... Антикосмос нашей брамфатуры. Гагтугнр имя его!

ТОРГОВЕЦ (*Фариа*). Во погнал! И откуда что берется? (*Андрееву*). Странноватое имя для демона.

АНДРЕЕВ (*будто в трансе*). Он обладает тремя лицами. Первая ипостась Гагтунгра – мучитель Гистург, вторая – великая блудница Фокерма. Третий... О, этот третий! Великий осуществитель злобного плана Урпарп!

Аввакум вскакивает, двуперстно крестится, мечется.

АВВАКУМ. Свят, свят, свят Господь Саваоф, исполни небо и земля славы его! Избави, Боже, начинания злого о Христе Иисусе, Господе нашем, которому слава и ныне и присно и во веки веков. Непостижим Отец, непостижим Сын, непостижим и Дух Святой. Едины три лица и суть соприсутны себе и равны.

ТОРГОВЕЦ (*перебирает карты*). Тройка, семерка, туз. Червовая хваль. Фул-Хаус.

АНДРЕЕВ (*нормальным тоном*). А биополю великой Рос-

сии может навредить демон гордыни. Разрушающий... этот самый... уицраор...

ФАРИА (*подсказывает*). Жру-ху.

АНДРЕЕВ. Как?

ФАРИА. Жру-ху. Это на языке гуарани. Означает спесь, жадность, заносчивость. Трусливую жестокость. Высокомерную низость.

АНДРЕЕВ. Я запишу?

ФАРИА. Дарю. Пользуйтесь.

ТОРГОВЕЦ. Вот и думай, это бедный язык? Или богатейший – одним словом все на свете.

Андреев идет к нарам, ищет тетрадь и перо. Найдя, записывает

На соседних нарах Виночерпий негромко, но пылко говорит Алексею.

ВИНОЧЕРПИЙ. Я... в чем моя вина? Ох!.. Мне объяснили... Вина в том, что вины нет. Прямой нет. Страшно, страшно... Страшно! Допрос, признайся, на, забирай. А я? В чем тогда изысканный сыск? Ведь уже... Но нет... замучить...

АЛЕКСЕЙ. Успокойся, братуха. Все заживет.

ВИНОЧЕРПИЙ. А ты? Был? Выл? Сломать... человек не веник... прутик. Прутик – тресь! Веник – да.

АЛЕКСЕЙ. Ты же понимаешь, что я тебе помочь не могу. Только выслушать.

ВИНОЧЕРПИЙ. Выслушать... тогда слушай. Было так. Я тогда, они там. Дома. Тук-тук, добрый вечер. Утро? Хорошенькое дело. Везут меня в сигуранцу. Ого! Подполковник. Такой-то? Так точно. Не любишь фюрера? Пф-ф-ф... Как можно? Кондуктор – наше все. Исключительно почитаю. А что там статьи? Пф-ф, какие статьи? Так, статейки. Для собственного развлечения. Невинное хобби. Пиши расписку. Пишу расписку. Клянешься? Мамой клянусь, здоровьем клянусь. Ты там сообщай. Сообщу! В лучшем виде. А сам думаю – не буду.

АЛЕКСЕЙ. Завербовали.

ВИНОЧЕРПИЙ. Что? Не-ет! Уговорили. А я как? Газета, подпольная типография. Листовки. Листовкопад. Стронники, партизаны. Список! Двенадцать фамилий. Шесть отдаю... Сигуранца! Господин ротмистр! Вот они враги... С ними все. Потом! Статейки, партизанки, через год большой список – двенадцать листов. Шесть –им, шесть – себе. Моя! Гвардия моя. Тифози. Оле-оле... Ола. Всесожжение, ола. Шесть листов, сто восемьдесят человек. Поверили? Зря! Кто обещал? Я обещал?.. Жалко. Режим кондуктора. Кондуктор чтобы любит все! Единогласно. Строем, ура! Я – нет... я дома... Пишущая машинка, соседка. Грудь пятого размера. Что в глазах? Тебя? Не хочу. Дочку. На нет – суда нет. Обойдусь, накажу. Сигуранца, суд – формальность. Дочка – туда же, полгода прошло, выросла. Есть другие соседские дети. Или я не вождь? Кондуктор, друзья его – можно.

Тоже хочу.... Списки, партизаны. Агент? Стукач? Мы начнем свою игру. Мы... сами... мы сила!

Замолчал. Андреев уходит к столу и что-то шепчет Вере.

ВИНОЧЕРПИЙ (*после паузы горько*). Мы проиграли. (*Пауза*). За тьму или за зло. А ты?

АЛЕКСЕЙ. Я при чем? Не про меня речь.

ВИНОЧЕРПИЙ. Речь про меня. Господин ротмистр! Бес попутал! Господин подполковник! Усы крутит... монокль у него! Представляешь, монокль! Мы, говорит, на дела твои мутные срали всем министерством. А за двурушничество – сам понимаешь. Двойной агент – двойная кара.

Алексей отодвигается от Виночерпия. Молчание. В тишине слышны скребущие звуки.

ВИНОЧЕРПИЙ. Покайся в этом. И покойся в этом. (*Пауза*). Тебе также?

АЛЕКСЕЙ. Что «также»?

ВИНОЧЕРПИЙ. Политик лавирует. Борьба, значит интриги. Ты согласен?

АЛЕКСЕЙ. С чем? (*Пауза*). Согласен, в общих чертах. Иногда с властью не зашкварно.

ВИНОЧЕРПИЙ. Ты же такой? Да-да. Мы здесь все (*переходит на шепот*) двойные. Переметнувшиеся. Если я сознаюсь, если мы сознаемся...

АЛЕКСЕЙ. Бред какой-то! Дичь.

ВИНОЧЕРПИЙ. Зачем запираяться, зачем запираяться?

Жертва принесена. Ягненок идет домой. Смотри – аббат. (Алексей оборачивается, смотрит на Фариа). Ты видел таких аббатов? Это же упоротый троцкист!

АЛЕКСЕЙ. Я не знаю, как выглядят аббаты.

ВИНОЧЕРПИЙ. Ну как выглядят... навроде пасторов.

Только с колокольчиками.

К Виночерпию со спины подкрадывается Иван

Или Вера, товарищ Фигнер. Кажется, за революцию, но....

Иван хватает Виночерпия сзади за плечи.

ИВАН. Попался!

ВИНОЧЕРПИЙ. Иоанн Антонович! Ваше величество!

Что за шутки?!

ИВАН. Спалился! (Алексей) ты чуешь? Нюхни, нюхни.

АЛЕКСЕЙ. Не буду я его нюхать!

ИВАН (кричит Аввакуму). Батюшка! Батяня! Подь сюды!

Виночерпий освобождается от рук Ивана, Аввакум подходит к нарам.

А понюхай-ка! Табачком припахивает.

ВИНОЧЕРПИЙ. Каким табачком? Что вы несете?

АВВАКУМ (втянул носом воздух, подумал). А ну давай его за стол.

Алексей и Иван отводят Виночерпия к столу, усаживают на стул. Все садятся напротив, только Андреев продолжает стоять. Вера осматривает Виночерпия, приподнимает веки, щупает за ушами. Иван впадает в прострацию, сидит с отрешенным видом.

ФАРИА (*Аввакуму*). Правда, куревом пахнет.

АЛЕКСЕЙ. И мятной жвачкой. Я сразу не понял, что-то знакомое. Теперь дошло.

ФАРИА (*кладет руку на плечо Аввакума*). Инквизиция разберется.

ВИНОЧЕРПИЙ. Ребята, вы чего?

АВВАКУМ. Тебе, ничтожный, слова не давали. (*Вере*) что скажете, Вера Николаевна?

ВЕРА. Пациент скорее наш, чем жив. (*Щелкает пальцами*) дайте что-нибудь острое, спичку, иголку.

Все ищут по карманам, на столе. Андреев с сомнением протягивает карандаш.

АНДРЕЕВ. Подойдет? Только этим пером я пишу свой магнус опус.

ВЕРА. Я верну.

ВИНОЧЕРПИЙ. Не по понятиям! Какие предъявы? Эй, народ!

Вера острием карандаша залазит Виночерпию под ногти.

ТОРГОВЕЦ. Ай! Аж мурашки по спине.

АНДРЕЕВ. Да нет. Это за стеной что-то скрипит.

Все замолчали, слушают скребущие звуки.

ТОРГОВЕЦ. Ремонт, наверное.

ВЕРА. Вот смотрите. Под ногтями (*подает Фарию крошку*).

ФАРИА. Похоже на мясо.

АВВАКУМ (*приглядывается, нюхает*). Скоромное. Коз-

лятина.

ВЕРА. Не кошерное. Кошатица.

ТОРГОВЕЦ. Это колбаса.

АВВАКУМ. Сукин сын!!!

Виночерпий всхлипывает.

ВЕРА. Фараон!

ФАРИА (*с негодованием*). Вот сволочь! Покормили его. И винца, конечно, налили.

ТОРГОВЕЦ. То был не допрос с пристрастием, а донос с причастием. Причастился?

АЛЕКСЕЙ (*встает, резко*). Мы тебе доверяли.

ВИНОЧЕРПИЙ. Вы все неправильно поняли. Все не так.

ФАРИА. Однозначно! Даже других толкований не выдумать.

ВЕРА (*бьет Виночерпия по щекам*). Провокатор! Стукач! Сексот! Предатель!

ФАРИА (*Алексею*). Что он тебе говорил?

АЛЕКСЕЙ. Ничего такого... вроде. Как обычно, жаловался.

ФАРИА. Как обычно? А признаться и покаяться не предлагал?

АЛЕКСЕЙ (*после паузы*). Нет.

АВВАКУМ (*встает, приобнял Алексея*). Лёш, ты подумай... может намекал?

Виночерпий напряженно прислушивается.

АЛЕКСЕЙ. Я, батюшка, намеки плохо понимаю.

Вера еще раз бьет Виночерпия.

Он говорил очередную дичь. Обычную – соседскую девочку совратил, хотел президентом стать. Газету выпускал.

ВЕРА. Газету, сука! (*бьет по щеке*)

АВВАКУМ. Вера, охолопись.

ФАРИА. Да. Давайте разбираться последовательно.

ВЕРА. Что тут разбираться? Сотрудничал с охранкой – предатель.

ВИНОЧЕРПИЙ. Где я сотрудничал? Мне – что? Я – ничего. Курите? Курите. А я такой должен – не-е-ет!? Ну взял. Пару хапок. Затянулся. Что я могу сказать? Кого сдать?

ФАРИА. Высокий суд инквизиции не рассматривает преступные деяния. Мы разбираем возможность деяния. По установлению факта возможности суд решает вопрос было ли намерение продуманным или спонтанным.

АВВАКУМ. Факт возможности, можно сказать, установлен. (*Алексею*) свидетель, в каких выражениях он выражал свои намерения?

ВИНОЧЕРПИЙ (*кричит*). Какой факт возможности?! Любой студент имеет возможность зарезать старушку. И что?

ФАРИА. Поэтому любой студент будет в свое время осужден. Инквизиция не может охватить все возможности. И так работает круглосуточно... Я не буду отвечать на ваши вопросы! Прекратите!

АВВАКУМ. Свидетель!

АЛЕКСЕЙ. Да ничего он такого... сон свой рассказывал.

ТОРГОВЕЦ (*заинтересованно*). Какой сон? Про зерновую сделку?

АЛЕКСЕЙ. Нет. Про виноградники.

Виночерпий свешивает голову на грудь. Плечи его вздрагивают. Непонятно, плачет или смеется.

Андреев, как школьник, поднимает руку.

Ерунду, короче.

АНДРЕЕВ. Можно мне?

АВВАКУМ. По делу? Давай.

АНДРЕЕВ. Я вспомнил. Когда я рассказывал провокатору о русском уникальном эргрегоре, он тоже упомянул виноградную лозу.

ФАРИА (*оживился*). Та-ак...

АВВАКУМ. Я не улавливаю.

АНДРЕЕВ. Совершенно богохульным образом подсудимый назвал виноградную лозу универсальным методом.

ВИНОЧЕРПИЙ (*угрюмо*). Не называл я.

ФАРИА. Да помолчите! Давай, Данила.

АНДРЕЕВ. Я, кажется, не дословно... универсальный метод в том, что дерево узнаешь по плодам.

АВВАКУМ. Слова Спасителя.

АНДРЕЕВ. Да! И он говорит: давай применим. Какие плоды у русского эргрегора? Вера у вас – греческая, письменность – болгарская, литература – французская. Философии вообще нет. Совершенно, говорит, вторичный эргрегор. Не

величайший на все времена, а такой, навроде помидора.

АВВАКУМ. Причем здесь помидоры?

ВЕРА (*возбужденно*). А вы не поняли?! От осинки не родятся апельсинки. Сволочь!

ФАРИА (*подсказывает Аввакуму*). Семь девятнадцать от Матфея.

АВВАКУМ (*некоторое время вспоминает*). Всяко убо древо, еже не творит плода добра, посекают е и во огонь вметають.

ВЕРА (*ходит вокруг сидящего Виночерпия*). Тварь! Это же... понимаете, что он решил... все зря! Моя борьба, ваша, всех. Все наши страдания – напрасны! Борьба тщетна! Самопожертвование – глупость. Не для чего. Во имя ни-че-го! Стукач! Разлагает все наши дела. Все идеалы!

АНДРЕЕВ. Обесценить подвиг. Не знаю...

АЛЕКСЕЙ (*Виночерпию*). Это низко!

ВИНОЧЕРПИЙ (*кричит*). Что делается!? Мертвые судят своих мертвецов!

ТОРГОВЕЦ Свой своему поневоле брат. (*Аввакуму*). Знаете, отче... а ведь ваши последователи (*изображает в воздухе двуперстное крестное знамение*) ... нет, безусловно, отличные люди, с ними приятно работать, но... сидят они на периферии. Где-то на обочине процессов. И крайне мало-численны. Живут в Усть-Коксе староверы (*пожимает плечами*), ну есть они и есть. А не было бы? Ну и не было бы.

АВВАКУМ (*убежденно, но с оттенком сомнения*). Исти-

на – удел немногих!

ТОРГОВЕЦ. Не то, чтобы я выступаю в роли адвоката этого господина. И поймите меня правильно, идти на костер за правду – в высшей степени похвально. Но идти на костер с правдой вместе... Не умно, я считаю.

ФАРИА. Поэтому только мертвые судят правду мертвцов.

ТОРГОВЕЦ. Не сочтите, за бунт, но правда мертвцов – мертва. А мертвая правда имеет такое же роль, как старая книга. И книгу можно прочесть по-разному. Козопас Мелантий предал Одиссея. Но кто есть Одиссей для Трои? Враг, агрессор, бывший союзник, пришедший с войной. Тогда для троянцев Мелантий – герой. Предать предателя – честный поступок.

Молчание.

ФАРИА. Благодарю за столь... пример нейтральный.

Торговец кланяется

АЛЕКСЕЙ. Почему? Одиссея... не, я читал, читал... но не все помню.

АНДРЕЕВ. Потому что самый наглядный пример – это Иуда.

Торговец кланяется Андрееву

Он – патриот империи и верен вере предков (*пауза, бормочет*) верен вере... масло масляное...

АВВАКУМ (*с брезгливым возмущением*). Тьфу!! Гадость какая: Иуда – патриот.

ФАРИА. Примкни Иуда к другому проповеднику...

ВЕРА. Предательство – это всегда отвратительно!

ТОРГОВЕЦ (*иронично*). Да? Девушка из дворянской семьи, институт благородных девиц, выгодное замужество. Кстати, за сотрудником органов. Все предсказуемо и правильно. Казалось бы! Но вдруг «Земля и Воля», «хождение в народ». Отвратительно? Революционная, простите за выражение, деятельность. Выступление против власти. И это (*меняет голос*) в условиях сложной международной обстановки, противостояния России с западными державами и их сателлитами, которые спровоцировали военный конфликт.

ВЕРА. Это другое (*пауза*) русско-турецкая война, по-вашему, просто конфликт?

АВВАКУМ. Окститесь! О чем глаголем?! (*Торговцу*) Ежели правда, взошедшая на костер, сгорит... так? А... жертва Богу дух сокрушен?

ТОРГОВЕЦ. Нет, не так!

Молчание.

АВВАКУМ. Жертва Богу... или как?

ВИНОЧЕРПИЙ (*выпрямляется, ухмыляется, говорит Аввакуму*) И всяк слышай словеса сия, и не творя их, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песце.

АВВАКУМ (*зверев*) На песце?! На песце?!

Аввакум бросается на Виночерпия, валит его на пол вместе со стулом. Они борются, Алексей пытается оттащить протопопа.

ВЕРА (*Торговцу задумчиво*). Что лучше, замок на песке или башня из слоновой кости?

ТОРГОВЕЦ. Ни то, ни другое не стоят костра.

ФАРИА. Не переживайте, Верочка, вы абсолютно правы.

ТОРГОВЕЦ. Никто не утверждал обратного. Я просто бизнесмен, и к некоторым штукам отношусь попроще. Идеичность – не мой конёк. А значит могу перебирать варианты, смещать угол зрения. И ваша, Вера Николаевна, борьба... тоже похвальна.

Аввакум успокоился, встал с пола. Виночерпий тоже занял свое место

ФАРИА. И не стыдно вам? Персоны жреческого звания.

ВИНОЧЕРПИЙ. А вам? Не стыдно?

ФАРИА. Крайне редко.

ВИНОЧЕРПИЙ. Устроили... разборку... что мне... кто сделает?! Бойкот объявите?

ИВАН. Мой сродный прадедя- дедушка по линии матери-бабки личной императорской рукой головы рубил и в банку спирта помещал.

ВИНОЧЕРПИЙ. Иоанн Антонович! Ваше высочество! Вам-то для чего этот спектакль?

ИВАН. Для публики.

ВИНОЧЕРПИЙ. Скажите публике, что отрекаетесь от трона. И делу конец.

ИВАН. Не можно.

ВИНОЧЕРПИЙ. Что вы – вы все! – упираетесь в прин-

ципы?! Ведь есть отличный вариант отречься! Нет. Я буду сто тысяч лет глотать крысиные хребты, но считать себя наследником. Зачем, Иван Антонович? (*Аввакуму*) батюшка! Выгляньте из темницы, здесь всем абсолютно безразлично, как вы молитесь в крестном ходу, посолонь или обратно, двумя перстами креститесь или тремя. (*Всем присутствующим*) ваши жертвы напрасны, упорство бессмысленно. Признайте это и все вернется на круги своя.

ФАРИА. Как это, скажите?

ВЕРА. Не слушайте его! Это не он, это охранка с нами разговаривает.

ВИНОЧЕРПИЙ. Каждый вернется в свой круг преисподней. Или в свой луч света. Это... господин ротмистр растолкует, я не знаю. Нужно попросить помилование.

Алексей и Вера одновременно: Нет!!

АНДРЕЕВ. Я бы попросил.

ВИНОЧЕРПИЙ. Святые отцы! Покаяние! Это изначальная мысль всей христианской жизни. Покайтесь, просите милости.

ФАРИА. Это как раз просто. Но каяться перед тем, кто за дверью (*показывает на дверь*) я готов при уверенности, что там... а мне это неизвестно.

АВВАКУМ. Там не херувимы, а бесы лютые.

ВИНОЧЕРПИЙ. Могут бесы предлагать помилование? Вздор! У вас мания преследования.

ТОРГОВЕЦ. Я думаю, вся соль именно в этом. Покаяться

перед тем, кем нужно – любой дурак покается. А так, чтобы наугад...

Молчание. Виночерпий трогает ушибы. Слышны рубящие звуки.

ФАРИА. Не перед силой каяться, у немощного милости просить... Да, пожалуй.

АЛЕКСЕЙ. Да что там за перфоратор? (*подходит к портрету на стене*). Там кто-то долбит.

ВИНОЧЕРПИЙ. Мания преследования.

Звуки все сильнее. Протрет рвется, появляется рука. Вера вскрикивает, остальные напрягаются, принимают собранный вид. Следом за рукой из стены появляется голова. Человек оглядывается. Фариа его узнает, подскакивает, помогает выбраться.

ФАРИА. Это ты! Я знал, что ты сможешь! Эдмон! Я так рад тебя видеть! Эдмон. Давай-давай, Эдмон

ВЕРА. Кто это?

ТОРГОВЕЦ. Вам же говорят – Эдмон.

Человек выбирается и снимает с себя грязную робу. Под этой одеждой у него мундир тюремщика, что приводит всех в крайнее изумление.

ТЮРЕМЩИК. Не Эдмон (*надевает еще и фуражку с синеватым околышем*). Энди.

ФАРИА (*заискивающе*). Простите, Бога ради. Извините, пожалуйста... Я не понял. Позвольте я уберу (*берет робу и не знает куда ее деть*).

ТЮРЕМЩИК. Что, трюм «А»? Нарушаем?

ФАРИА. Нет, что вы, что вы... Полное соблюдение распорядка и покорность.

АНДРЕЕВ. Происшествий не случилось, заболевших нет.

ТЮРЕМЩИК (*показывает на Виночертия*). А с этим?

ТОРГОВЕЦ. Беседуем.

ТЮРЕМЩИК. О погоде?

ТОРГОВЕЦ. О ней.

ТЮРЕМЩИК (*Виночертию*). Пошли, что ли. Раскололи, что уж теперь? (*Виночертий встает, уходит в дверь*). Андреев! Кого ждем?! С вещами на выход!

Андреев озирается, у него нет вещей, тогда он берет у Фариа смятую робу Тюремщика. Выходят. Тюремщик, закрыв дверь, крикнул в «кормушку»: тихо тут!

Все озадачено молчат. Переглядываются. Торговец осматривает пролом, из которого вылез Тюремщик.

ФАРИА. Всегда они появляются... неожиданно.

ВЕРА (*Торговцу*). Что там?

ТОРГОВЕЦ. Кажется, сквозняк

ВЕРА. Не может быть. Показалось.

Иван медленно встает и идет к стене

Откуда здесь сквозняк?

ИВАН. А вдруг там – воля?

ТОРГОВЕЦ. Там! Все что угодно... Поди, проверь.

ИВАН. Пойду и проверю (*примеряется к пролому*)

ФАРИА. Ваше величество! Не делайте глупостей.

ВЕРА. Пусть лезет.

Иван исчезает в стене. Торговец постоял в нерешительности и тоже влез в пролом.

АЛЕКСЕЙ. Как говорили на Железных островах: то, что мертво, умереть не может.

ФАРИА. Остановись, Лёша!

ВЕРА. Хуже не будет. Лезь.

Аввакум отталкивает Алексея и забирается в пролом.

И этот... Пойдемте уже все (*направляется к стене, поднимает постер с актрисой*). Красивая. Ни каких вам морщин раздумий. (*Фариа*) вы идете?

ФАРИА. Не хотелось бы. Но оставаться одному – еще больше не хочется.

Все по очереди лезут в пролом.

ЗАНВЕС.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же обстановка, только от нар отделена одна шконка и находится в стороне. Дыра в стене прикрыта полотенцем. Торговец стоит, шагает. Аввакум, Фариа, Вера, Иван, Алексей сидят за столом.

ТОРГОВЕЦ. Как вам побег, дамы и господа? Вы чувствуете ветер свободы? А как здесь прекрасно!

ФАРИА. Перестаньте вы ерничать!

ВЕРА. А я знала, что здесь будет то же самое.

ИВАН. Где это здесь?

ТОРГОВЕЦ. Здесь – это там. Неужели неясно, ваше высочество?

ИВАН. Величество.

ТОРГОВЕЦ. Простите. Я не думал, что это еще актуально.

АВБАКУМ. Грехи мои невыносимые (*крестится*), я же содеях во все дни живота моего делом, словом, помышлением, объедениям, пьянством...

ТОРГОВЕЦ. Что такого ужасного в пьянстве? Никогда не понимал. По-моему, замечательное времяпрепровождение.

АВБАКУМ. ... тайноядином, празднословием, унынием, леностию, прекословием, непослушанием, оклеветанием, многостяжением, скверноприбытчеством...

ТОРГОВЕЦ. Ну ты, батя, замолол, замолол.

АВБАКУМ. Всеми моими чувствами: зрением, слухом, вкусом, осязанием, душевными, вкупе и телесными, имеже Творца моего прогневах, о сих жалея...

ВЕРА (*Фариа*). У католиков такие же молитвы?

ТОРГОВЕЦ (*наклоняется к Вере*). И к тому же на латыни, прикинь? (*Фариа*) я правильно разъяснил?

АВБАКУМ. Милосердием твоим прости ми! (*крестится*).

Открывается дверь, входит Тюремщик. Осматривается. Заводит Андреева, который идет, опустив голову, сложив руки за спину. Тюремщик сопровождает его до одиноко стоящей кровати.

ТЮРЕМЩИК. Посиди пока здесь, в одиночке. Подумай..

Об жизни.

АНДРЕЕВ. Можно попросить перо и бумагу? Всего только перо и бумагу. Пожалуйста.

ТЮРЕМЩИК (*передразнивает*). Перо и бумагу. Всего только!

АНДРЕЕВ. Я вас очень прошу...

ТЮРЕМЩИК. Не положено. Всего только! Это не «всего только», это перо и бумага. Так. В дверь не колошматить! Вот попробуй постучи! Я потом постучу.

АНДРЕЕВ. Понял.

ТЮРЕМЩИК. Марсельезу не петь. Вот только попробуй запеть!

АНДРЕЕВ. Хорошо.

ТЮРЕМЩИК. Еще бы ты плохо запел! Задумаешь повесится или голову об стенку разможжить – не в мою смену. Понял? Всё (*отходит от Андреева, встает возле стола*). Так! Трюм «Б», правила вам понятны. Условия прежние.

ВЕРА (*угрюмо*). Условия понятны. Признать, что оно того не стоит.

ИВАН. Отречься? Мое условие, отречься?

ТЮРЕМЩИК. Думайте, решайте. В дверь не колошматить, Марсельезу не петь. (*Уходит*).

Торговец направляется к Андрееву, но натыкается на невидимую стену. Ощупывает ее.

ВЕРА. Что вы делаете? Бесполезно.

ТОРГОВЕЦ. Интересно. (*Пытается позвать Андреева*)

Эй, Данила! Книжник! Даниил!

Андреев не слышит. Он прошелся, сел на лавку, чешет голову. Невнятно бормочет.

Торговец достает из-за пазухи смятый подстаканник и бросает через невидимую стену. Металлический комок падает возле Андреева. Тот недоверчиво, потом с воодушевлением рассматривает, берет, нащупывает острый конец и принимается чертить буквы на стене. Торговец возвращается к столу.

ТОРГОВЕЦ. Как вам это нравится? Освободили Данилу. Прямым в карцер.

ВЕРА. Света нет, но появился смысл. Он снова пишет книгу.

ФАРИА. Нет свободы, зато есть цель.

ТОРГОВЕЦ. Цель? Придуманная. Вы читали Камю? Ах да...

ФАРИА. Миф о Сизифе, представьте себе, я обдумал и без Камю.

ИВАН. Какой миф? Героический?

ТОРГОВЕЦ. А это, Иван Антонович, если бы вы взяли свой тяжеленный трон и потащили его на горбе, хрен знает куда. Ваш смысл – трон. Трон дает смысл вам. Как-то так, если вкратце. Это геройство?

ИВАН. Нет. Бессмыслица.

ТОРГОВЕЦ. Но вам-то в радость!

ФАРИА. Подождите! В этом что-то есть (*пауза*). Иван

бесконечно несет тяжелое кресло. Очень тяжелое кресло неизвестно куда. А в кресле кто-нибудь сидит. И этот погонщик он знает истинный смысл.

ТРОГОВЕЦ. Да ему просто кататься нравится!

ФАРИА (*после паузы*). Может быть. Истинный смысл заключен в том, чтобы нравилось.

АЛЕКСЕЙ (*психует*). Тупой базар!! О чем вообще?! Ни о чем!

ФАРИА (*продолжает тем же тоном*). В это время вдоль дороги стоят крестьяне. И эти темные люди – почему-то! Из неведомых причин! – видят в несении кресла... подвиг. Есть в действиях Ивана здесь самопожертвование? Определенно, есть. Ведь мог бы пойти в таверну выпить бутылку портвейна. Сидишь... в руке кусок мяса,... прожаренный с кровью. Сочный. На колене (*показывает*) сидит у тебя пышнотелая Жюли. Обнимаешь (*обнимает воздух*)...

ВЕРА. Омерзительные взгляды на женщин!

ФАРИА. Грудь ее рвется из корсета... губы влажные, зовущие... И портвейна вдоволь... Но нет! Ты идешь и таскаешь мебель. С места на место. Никуда. И тебе признательны. Тебя за это уважают. Вот и выросло геройство. Народ своим детям расскажет, дети – своим, и так далее. И укрепился стереотип героя.

ТРОГОВЕЦ (*с живостью*). Геракл убил Немейского льва. А чем ему кошечка мешала? Может это был вообще последний экземпляр? Льва бы охранять нужно! В Красную книгу

внести. А этот конь здоровый пришел в берлогу и хрясь! Палицей своей дубовой. Шкуру, падла, снял и носит, как трусы. А греческое (*презрительно*) общество решило, что это подвиг. Герой поролоновый!

ФАРИА (*подхватывает*). Еще такой момент. Геракл просто выполнил приказ микенского царя по имени Еврисфей.

ТОРГОВЕЦ. Который всю дорогу сидит в удобном кресле, которое холопы тащат.

ФАРИА. И где здесь подвиг?

ТОРГОВЕЦ. И зачем героизм?

АЛЕКСЕЙ (*взрывается*). Что за дикий бред?! (*Вскакивает, ходит, машет руками*) сказано нам: условия прежние! Признать ошибки! Раскаяться! Нужно думать, как?! Или отказать!! Куда-то сдвинуться с мертвой точки!!

ТОРГОВЕЦ. Ну с мертвой точки мы, положим, никуда... Хотя нет, пойдете. Вот (*показывает на Андреева*) решение и выход. Как?

АЛЕКСЕЙ. Это нормально! Это понятно! Хотя бы так... *Андреев прислушивается, продвигается к невидимой стене.*

ТОРГОВЕЦ. Так за чем дело стало? Признавайте свою глупость, кайтесь. (*Андрееву*) Данила! Как дела? (*Алексею*) Желаете вернуться в свою камеру?

АЛЕКСЕЙ. И он не помнит Трюм времени?

ТОРГОВЕЦ. Полагаю, нет. Возможно, помнит, как сновидение. Как галлюцинацию. Знаете, когда долго человек си-

дит в подземном склепе, такое привидится.

АЛЕКСЕЙ. Подземелье... да... Шахта, малахитовый забой. Данила-мастер и каменный цветок.

АНДРЕЕВ. Цветок, цветок... это должен быть цветок...

АЛЕКСЕЙ. Он слышит нас?

АНДРЕЕВ. Цветок... учение, как цветок... лепестки... роза. Роза! *(Всплеснул руками, радуется)*. Роза! Роза!!

ТОРГОВЕЦ *(дразнит)*. Роза! Эстель! Роза, Сара, Фира!

АНДРЕЕВ. Роза мира... Роза мира *(бросается к стене калябает)*. Голоса... ведут меня. Космос... Роза мира.

Вера подходит, берет Алексея под руку.

ВЕРА. Леша, ты не понял? Они об этом и сказали. Про героев.

АНДРЕЕВ *(возбужденно бормочет)*. Роев... роев. Эстель.... Роев. Эстров. Мир космический благодатный, Этроф!...

ТОРГОВЕЦ. Отойдем. Так мы ему всю «Розу мира» надиктуем.

Все рассаживаются за столом. Некоторое время молчат. Иван строит карточный домик, аббат перебирает четки.

АВВАКУМ *(ни к кому не обращаясь)*. Путь мой долог был. Многия седмицы ехал. И едучи, по всем городам и селам, во церквах и на торгах кричал, проповедуя слово божие, и уча, и обличая безбожную лесьть. Три годы ехал из Даур, а туды волокся пять лет против воды; на восток все везли,

промежду иноземских орд и жилищ. Много про то говорить! Держал в студеной палатке семнадцать недель. Посем свезли меня паки в монастырь Пафнутьев и там, заперши в темную палатку, скована держали год без мала... И я -де уже изнемог, в нощи моляся и плача говорю: господи! аще не избавишь мя, осквернят меня, и погибну. Что тогда мне сотворишь? – И много плачючи говорил. – А се-де вдруг, батюшко, железа все грянули с меня, и дверь отперлась, и отворилась сама. Я-де богу поклоняюсь, да и пошел; к воротам пришел – и ворота отворены (*оборачивается, смотрит на дверь*).

Дверь открывается, входит Тюремщик. В руках у него дубинка. Медленно подходит к столу, шлепая палкой по ладони.

ТЮРЕМЩИК. Нет, батюшка! Так это не работает.

АЛЕКСЕЙ. А как работает? Подскажи.

ТЮРЕМЩИК (*Аввакуму*). Неубедительно. (*Алексею*) то, что нашу наседку уркам не сдал – молодец. Зачтется.

ВЕРА. Урки! Мы – политические!

ТЮРЕМЩИК. Да? Ну, гордитесь... (*Аввакуму*) Ясно, отче? Гордитесь, (*легонько бьет Аввакума палкой по голове*) сколько влезет (*уходит*).

Когда дверь захлопнулась, тихо заиграла медленная музыка.

ИВАН (*после паузы*). Я горжусь своей страной.

ФАРИА. Шлиссельбургской крепостью? Или тюрьмой в Холмогорах?

ИВАН. Больше я нигде и не был.

Торговец подходит к Ивану сзади и торжественно говорит на ухо: «НИГДЕ».

Тишина.

ВЕРА. Я могла бы. Но вы (*Фариа*) снова продемонстрировали потребительское отношение к женщине. Я готова согласиться с бесплодностью борьбы за всеобщее равенство. Социализм – да, провал, да, общество без частной собственности невозможно. В обозримом... Но! Угнетение женщин должно быть остановлено. Бороться с этим – такая деятельность необходима!

ФАРИА. Я не имел ввиду угнетения. Влечение...

ВЕРА. Стереотипные половые роли! Вот где главное неравенство.

Андреев бормочет: «женский голос... женское начало» и ходит вдоль невидимой перегородки.

Древнейшие социальные практики, основанные на представлении о неполноценности женщины, должны быть пересмотрены. Никого превосходства пола! Равные права для мужчин и женщин! Равный доступ ко всем занятиям.

ФАРИА. Но не ко всем же, Вера Николаевна.

ВЕРА (*воодушевленно, лозунгово*). Ко всем занятиям, ко всем профессиям! К спортивным занятиям, к творчеству. Разумеется, равенство политических прав. Избирательное право должно быть ограничено только возрастом, но не полом и не имущественным цензом! Право на занятие госу-

дарственных должностей должно быть предоставлено женщинам наравне с мужчинами. И мы еще посмотрим, ко лучше будет выполнять свои обязанности. Исключить насилие! Насильное овладение женщиной должно быть признанно наитягчайшим преступлением! Чтобы и мысли не возникло! Чтобы страшно было! Домогательство должно наказываться. Не только физическое насилие, но и психологическое, с использованием положения. Женщина должна быть свободной. Борьба против дискриминации женщин – есть борьба за правое дело!

Аввакум встает берет Веру за руку и вытаскивает из-за стола

Чтобы мужчина не имел права – вот так вот просто подходить и закрывать наши голоса!

Аввакум тащит Веру к углу, огороженному занавеской. На полпути – уже за шею.

Наши голоса должны звучать наравне с мужскими голосами! Требовать не только наделения правами, но и доступа к обязанностям. Мы, женщины, должны положить конец вековым притеснениям со стороны мужчин.

Аввакум и Вера скрываются за шторкой. Звучит музыка, бормочет Андреев. Из угла звуки возни, шорох одежды, скрип. Через какое-то время раздаются сдавленные ритмичные стоны.

Грохот.

ТОРГОВЕЦ (с восхищением) Силен русский батюшка.

Тихая музыка. Занавеска покачивается, звучит ритмичный скрип. Андреев в это время говорит с собой.

АНДРЕЕВ. Женское начало, всенародная Афродита всех человечеств. Имя ее...пусть, Лилит. Без участия Лилит невозможно формирование ни одного тела в мирах плотной материальности... Но это не всё! Не всё... Мир Лилит несоизмерим ни с нашими формами и неопишимо, а её собственный облик необозрим. Её иноматериальное тело единоприсутствует во множестве мест её слоя, и лишь в отдельных случаях она принимает образ, который может быть воспринят зрением человека. С воздействием Лилит неразрывно связана у человека сфера половых чувств. Она ли сама или её кароссы, но это начало всегда стоит над всяким актом человеческого соития.

ТОРГОВЕЦ. Ох уж эти философы! Вечно все усложняют. Соитие и есть соитие, зачем огород городить?

АНДРЕЕВ (как в трансе). В глубочайшей древности, эта стихиаль стала супругою Первоангела – того величайшего Духа, что сделался Логосом Шаданакара. Это было во времена творения ангельских слоёв, и Лилит стала праматерью этого первого человечества. Но демон... сумел проникнуть в мир Лилит, и её тончайшее материальное тело восприняло в себя некий демонический элемент. Та-ак... Еврейская мистика знает термин «эйцехоре» – семя дьявола в человеке.... ритуальная проституция в Ханаане! Да и прочие... над ритуалами оргиастических сект, над массовыми совокупле-

ниями и доныне надстоят кароссы. Ясно также, что такие явления не могут обойтись без вмешательства лунной демоницы и тёмных сил. Проклятое эйцехоре неминуемо входит в их общее порождение...

Невнятный, но резкий крик-стон за занавеской. Алексей нервничает. Фариа невозмутим. Андреев поймал новую мысль

АНДРЕЕВ. Но надо отдать должное... Возблагодарим дочь Земли и Солнца... прекрасная Луна, и трижды благословится Солнце. Все мы когда-то пребывали – и будущим нашим телом, и будущей нашей душой, вместе со всем Шаданакаром – в его пречистых недрах. Мы славили в храмах Египта и Эллады, на берегах Ганга и на зиккуратах Ура, в стране Восходящего Солнца и на далёком Западе, на плоскогорьях Анд. И злые, и добрые, мудрые и тёмные, верующие по-разному и неверующие – те, кто чувствует и те, кто просто радуется свету и теплу. Ослепительная Лилит уже сотворила лестницу лучезарных слоёв и по ней изливает ниже и ниже, в миры ангелов, в миры стихиалей, в миры человечества каскады духовных благ. Прими... неслышный голос... во всеобщую тебе хвалу, сияющая!

Андреев затихает, садится на пол.

ФАРИА. Аминь!

ТОРГОВЕЦ (*Фариа*). Что вы крутите бесконечно четки ваши?

ФАРИА. Раздражает?

ТОРГОВЕЦ. Нет. Это наезд.

Фариа бросает четки в угол, музыка заглохла.

Из-за занавески выходит Аввакум, тяжело садится за стол. Снимает с шеи массивный крест.

АВВАКУМ. Грешен!

Пауза. Торговец придвигает крест к себе, рассматривает.

Грешен. В прелюбодействе, злобе и гордыне. Стукачок верно сказал, нет разницы сколькими пальцами крестится... Черно в душе! Тьма... Муки телесные принял я... нет, не за веру. Гордыня! Хотел самому Спасителю уподобиться. Посчитал себя равным великим подвижникам... Вознестись. А так... обыкновенный грешный человек. Бес попутал. Молитвой бы с бесом бороться. Молитвой и смирением. Так нет! Лелеял я, тешил его. Поддался! С удовольствием.

Заходит Тюремщик, трогает Аввакума за плечо дубинкой, кивает головой к выходу. Аввакум и Тюремщик уходят.

ФАРИА (*кричит*). Подождите! Подождите! Я тоже из гордыни и себялюбия! Грешен! (*Торговцу*) Ни за какую не за идею. Все мои деяния из низменных мотивов. (*Кричит в сторону двери*) я сомневался! Я в загробную жизнь не верил!

ТОРГОВЕЦ. Сюрприз, да?

АЛЕКСЕЙ. И я. Признаю, что не верю в демократические основы. Не разделяю либеральные принципы. То есть разделяю, но....

ТОРГОВЕЦ (*подсказывает*) Без фанатизма.

АЛЕКСЕЙ. Общество должно для этого созреть. Права и

свободы должны... (*пугается*) Свобода человека должна...

ТОРГОВЕЦ. Свобода и должна? Это само по себе нелепо.
Оксюморон.

ФАРИА. А вам, уважаемый, не так уж хочется закончить пребывание в трюме.

ТОРГОВЕЦ. Очень хочется. Но так, чтобы меня помиловали, а вас – нет. Я бизнесмен, как никак.

Торговец идет к невидимой двери и бросает Андрееву крест Аввакума. Тот поднимает и впадает в оцепенение.

ТОРГОВЕЦ. Как косточку собачке. Вот вам и знаки, знамение, пророчества и вдохновение. Очень просто.

Появляется Вера. Волосы ее распущены.

Безжалостно выглядите, Вера Николаевна!

ВЕРА. Не смотрите на меня!

ТОРГОВЕЦ. Это невозможно.

*Вера садится за стол. Иван берет ее за руку. Она не сра-
зу, но вырывает руку.*

АЛЕКСЕЙ. Свободные отношения. Я – за.

ВЕРА. Тебе не обломится. И вообще... идите вы все... к
чертовой матери!

Молчание.

И что теперь?

ТОРГОВЕЦ. Ничего. При своих. А батюшка – красавчик!
На два хода вперед рассчитал.

ФАРИА. Он был искренен.

ТОРГОВЕЦ (*вполголоса поет*). Искренний расчет! Солн-

це поднималось над землей....

АЛЕКСЕЙ. Рассчитал и оказался прав. А мой расчет... (*машет рукой*). Ну... правильно, че... Что толку отречься от идей, когда приоритетным был расчет? (*Пауза*). Какой из меня предводитель восстания? Глупо все получилось... глупо... (*закрывает лицо руками*)

Заходит Тюремщик и уводит Алексея.

АНДРЕЕВ. Двери... лязгают двери...

ТОРГОВЕЦ. Услышал.

АНДРЕЕВ. Демон Жругр, кровавый идол Жругр...

ФАРИА. Не Жругр, а Жру-ху! (*Торговцу*) подскажите ему.

ТОРГОВЕЦ. Не стоит. Жругр – звучит солиднее.

ВЕРА (*после паузы*). Брак по расчету. Удар по всему институту супружества. (*Пауза*). А супружество? Женя изменяют мужьям, мужья – женам. (*Пауза*). Люди кидают друзей. Обходят на службе коллег. Хм... отравить престарелого родственника из-за наследства.... Предать того, с кем ты лицом к лицу – не так, чтобы совсем зазорно. Всегда есть доводы и оправдания. Но если ты отречься от идеи! Изменник, подонок, тварь иностранная.

ТОРГОВЕЦ. Пятая колонна.

ВЕРА. Что?

ТОРГОВЕЦ. Не важно.

ВЕРА. А что важно?

ТОРГОВЕЦ. Я не знаю.

ВЕРА. Не знаете?

ТОРГОВЕЦ. Мало того! Не знаю, и знать не хочу.

ВЕРА. Вы – счастливый человек.

ТОРГОВЕЦ. Был.

ВЕРА. Был. Это не мало. Я тоже человек, который был.

Такой был человек, что, кажется, их было несколько.

ФАРИА. Не несколько человек, а несколько общепринятых мнений о человеке. Часто бывает такое. Особенно с историческим фигурами. Вот наш Иоанн Антонович. Государь, которого предал весь народ. Новая императрица – и забыли законного императора.

ИВАН. Это мой народ.

ВЕРА. Русский народ.

ИВАН (*упрямо*). Мой. Народ. Его выбор.

ВЕРА. Это выбор промолчать!

ИВАН. Их выбор промолчать. Свобода выбора. Свобода – главное. Для всех, да? И мне, вне всякого сомнения, тоже. Трюм – взаперти. Трон – взаперти. Свобода – лучше того и этого, да? Разговаривать с кем хочешь. Слушать небывлицы. Музицировать. Играть в догонялки. Грибы собирать. Лес, степь, приволье.

ФАРИА. А корону за коня?

ИВАН. Легко.

Входит Тюремщик, кладет палку Ивану на плечо. Тот встает, направляется к выходу

ТЮРЕМЩИК. Куда? Не туда (*разворачивает Ивана, подталкивает его к Андрееву*). Принимай сокамерника! Чтоб не

скупно. Тоже контра! Из дворян.

АНДРЕЕВ (*бережно прячет под одежду крест Аввакума*). Здравствуйте.

ИВАН. Здравствуйте.

Тюремщик уходит.

АНДРЕЕВ (*чертит на полу*). Демоны хотят человеческих жертв... любят. Жругр – гурман, понимаете? Он хочет... чтобы жертва была добровольной. Ему воодушевление – соль. Жертвенность, как соус. Дегустатор. Добровольное жертвоприношение...ему нравится.

ИВАН. Поэтому и имя – Жругр. Да, я знаю.

Андреев продолжает чертить на полу. Вера, Торговец и Фариа наблюдают.

ВЕРА (*Торговцу*). Вы ничего не хотите нам рассказать?

ТОРГОВЕЦ. Все, что угодно, несравненная Вера.

ВЕРА. Вы не делаете попыток выйти.

ТОРГОВЕЦ. Возможно, я тоже наседка?

ВЕРА. Нет.

Молчание. Андреев бормочет, Фариа вздыхает.

Чем вы там торговали? Живым товаром? Принципиальный работорговец.

ТОРГОВЕЦ. А может отказался я торговать живым товаром? Может не стал поставлять наркотики? Или другие гадости. (*Пауза*). Я простой контрабандист. (*Пауза*). Мое преступление в нарушении воображаемых линий. Конечно, воображаемых! Незначительных. Сколько раз менялись линии

на карте, которые кто-то с придыханием: «Ах, граница государства»? Это же... Чепуха, да и только. Птицы летают через границы... и никаких границ не видят. А им виднее.

ВЕРА (*ходит по помещению, останавливается*). Вы врете! Вы всё врете. Все врете!

ТОРГОВЕЦ. Приехали! Мы врём. Меня, главное, выставили работорговцем в то время, как сами... ваши товарищи. Принципиальные рабовладельцы! Разве что под прикрытием светлых девизов.

ВЕРА. Это не так!

ФАРИА. Вера Николаевна, успокойтесь, пожалуйста.

ВЕРА. А вы -то, святые отцы? Вы не рабовладельцы под прикрытием светлых истин? Вас-то, аббат, за какие заслуги в кутузку? Ведь не за счастье простого народа. Врете.

Молчание. Вера садится на свое место.

ФАРИА (*после паузы*). Я отказался разглашать тайну исповеди. (*Пауза*). Огласка убила бы этого человека. Но выручила других. Я отказался и спас... выгородил одного прихожанина. Навредив, тем самым, третьим лицам.

Торговец подошел ближе к невидимой стене, понаблюдав за Андреевым. Попытался встретится взглядом с Иваном. Вернулся к столу.

ТОРГОВЕЦ. Мыслительная задачка про вагонетку. Вы можете переключить железнодорожную стрелку с одного пути на другой. В одном месте к рельсам привязан один, во втором четверо. Куда отправить поезд? Убить одного или

четверых?

ВЕРА. Задача не имеет этически приемлемого решения.

ФАРИА. Я бы предположил, что... С большей вероятностью стрелочник откажется от действий. Пусть вагон идет, куда и шел.

ТОРГОВЕЦ. Можно монетку подбросить.

ФАРИА. Я бы направил на толпу.

ВЕРА. Почему?

Открывается дверь, заходит Тюремщик. Фариа со словами «вот почему» поднимается и идет к выходу.

ТЮРЕМЩИК. Ты куда намылился, старый?

ФАРИА. А... разве...

ТЮРЕМЩИК (*кладет на стол большой узел*). Передача тебе.

Фариа вернулся на место, униженный и разочарованный стал разворачивать посылку. Вера хватается Тюремщика за руки.

ВЕРА (*громко и требовательно*). Я протестую против ваших мыслительных задач! Мы требуем объяснений! Это невыносимо! Хватит судилищ! Хватит экспериментов!

ТЮРЕМЩИК. Не по адресу, дамочка. Я лицо некомпетентное.

ВЕРА. Передайте! Мы протестуем. Это неприемлемо!

ТЮРЕМЩИК (*злится*). Когда ваша банда там (*показывает на замурованный лаз в стене*) устроила разбор своему сокамернику! Приемлемо? А пацан себя поломал, чтобы...

так и сказал: я, грит, навроде душу продал за друзей по каталажке. Чего же вы теперь колотитесь?

Тюремщик уходит, Вера садится за стол.

ВЕРА. Он так и говорил: «навроде». Его словечко.

Фариа в это время рассматривает вынутый из узелка головной убор красного цвета

ВЕРА. Что это?

ФАРИА. Кардинальская шапка (*надевает*).

ТОРГОВЕЦ. Примите наши поздравления, монсеньор.

ФАРИА. Вы смеетесь?

ТОРГОВЕЦ. Как можно, ваше высокопреосвященство?..

ФАРИА. Это было бы грандиозно. Жаль, что паства столь немногочисленна – лишь две души.

ТОРГОВЕЦ. Три. Себя тоже считайте.

Фариа снимает шапку, ставит ее перед собой и долго смотрит.

ФАРИА. Себя... тоже. Мудро.

Торговец подходит к невидимой стене.

ТОРГОВЕЦ. И еще двое в карцере. (*Зовет*) Иван Антонович! Иван Антонович...

АНДРЕЕВ (*сидящему на иконке Ивану*). У вас бывает, что слышите... голоса? Я не сумасшедший! Не думайте!

ИВАН. Я – сумасшедший.

АНДРЕЕВ (*внимательно смотрит на Ивана*). По пятьдесят восьмой статье? А пункт?

ИВАН. Первый «А». А у вас?

АНДРЕЕВ. У нас – организованная преступная группа.

ИВАН. У нас – семейная.

АНДРЕЕВ. Родственников тяжело сдавать. Но приходится, что поделаешь? Приходится писать.

ИВАН. А вы пытаетесь здесь писать?

АНДРЕЕВ. Где – здесь?

ИВАН. Здесь – это там.

АНДРЕЕВ. Я как бы отчасти здесь, но немного – там.

ИВАН. Значит, вы настоящий писатель.

АНДРЕЕВ (*с недоверием*). Думаете?

ИВАН. А вы почитайте.

АНДРЕЕВ (*помедлил, откашлялся, читает*). Капитан Харт стоял у раскрытого люка ракеты. «Почему они не идут?» – спросил он. «Откуда мне знать, капитан?» – отозвался его помощник Мартин. «И что же это за место?» – спросил капитан, раскуривая сигару. Спичку он швырнул в сияющий луг, и трава загорелась. Мартин хотел затоптать огонь ботинком. (*Андреев сел рядом с Иваном*) «Нет, – приказал капитан, – пусть горит».

Андреев понизил голос. Торговец вернулся в Фариа и Вере.

ТОРГОВЕЦ. Вроде два культурных человека, волей случая оказались в одной камере – обычное дело. Интеллигентная беседа. Окололитературный диспут. Но каждый из них подозревает другого. Возможно также, каждый из них рассматривает для себя возможность донести на товарища. (*Пауза*). Как наш виночерпий. Наступил на глаз собственной со-

вести. Ради нашего блага, как он его понимает. (*Пауза*). И кто сказал, что он понимает неправильно?

ВЕРА. Для нашего блага... Добровольная жертва для общего блага. Хм. Если мне предложат ради вас двоих... да вот вам! (*показывает в направлении двери фигу*). И вам (*той же жест сокамерникам*). Ничего подобного! Я – это я. А ваши дела меня не касаются. (*Пауза*). И никому не посоветую. Нечего делать... Самопожертвование? К черту! Самопожертвование черту. Он не дождетя этот черт!

Молчание. Фариа смотрит в стол. Андреев неслышно продолжает рассказывать Ивану.

ТОРГОВЕЦ. У черта имя есть.

ВЕРА (*косясь на Андреева*). Жругр. Или (*Фариа*) Жру-ху. Все равно... у нас в Казани был сад. Я там посадила... (*как бы Андрееву*) не розу! Выращивала гортензии. Не то, чтобы прихотливое растение, но... Если бы вдруг гортензия решилась на героический поступок и бросилась на саранчу... (*жестикулирует*). И ради кого? Для... одуванчиков? Нет... Нет! Никакого! Геройства! Фантазии. Нет никакого нравственного долга! Больные фантазии и воображаемые установки. Поэтому гортензия не бросится под саранчу.

ФАРИА (*после паузы*). Саранчой и диким медом питался Иоанн Предтеча.

ТОРГОВЕЦ. Он неважно кончил на Земле. Поэтому я бы не стал есть саранчу.

ФАРИА. Но, а если саранча сама об этом попросила?

ТОРГОВЕЦ. Обойдется.

ФАРИА. Нам, существам более высокого порядка, позво-
лительно решать, выполнять ли просьбы менее разумных со-
зданий?

ТОРГОВЕЦ. Не знаю.

Заходит Тюремщик, кладет палку на плечо Веры.

ФАРИА. До свидания, Вера Николаевна.

ВЕРА. Прощайте.

ФАРИА. Не думаю.

*Вера и Тюремщик выходят. Фариа и Торговец сидят за
столом. Андреев встал и сверху вниз говорит Ивану.*

АНДРЕЕВ. То есть они ждали его пришествия тысячи лет,
гонялись за ним по многим планетам и звездным системам.
А Он... рядом оказался.

ИВАН. Хороший рассказ.

АНДРЕЕВ (*смущенно, после колебаний*). Это не мой.

ИВАН. Я так и понял.

Фариа и Торговец беседуют параллельно.

ТОРГОВЕЦ. Пошлейшая метафора. Насчет садовника и
сада. Банальность. Но это привело к выбору Веры... Веры
Николаевны.

ФАРИА. Свобода выбора, свобода выбора... Вы, разуме-
ется, слышали о янсенистах.

ТОРГОВЕЦ. Разумеется, нет.

ФАРИА. Янсенисты считались основными противниками
иезуитов.

ТОРГОВЕЦ. Отец Аввакум расстроится!.. Они же сто веков боролись с европейской нечистью, а оказалось, что не главные враги. Экий пердимонюкль. Факап, я б сказал.

ФАРИА. В схоластике янсенистов, в противовес догмам официальной церкви, утверждается постулат божьей благодати, как единственной побудительной силы человека. Мы пришли к заключению (*видит, что Торговец улыбается*) да... мы. Мы. (*Пауза*). Не имеет человек свободы воли! По божьему помыслу свершается любой поступок. Все это приходит извне.

ТОРГОВЕЦ (*недолго подумав*). Поди знай, где кончается вне и начинается внутри. Разве то, что внутри не является частью этого вне? Электрический импульс в мозгу... И погнажи. Ток создает магнитное поле, а поле... тоже как-то действует. (*Пауза*). Даже кожи нет. Если под микроскопом, то тут (*оттягивает кожу на тыльной стороне ладони*) ураган частиц, и не найти границы между рукой и воздухом. (*Пауза*). А если бы светлое будущее индейцам гуарани строили не иезуиты, а...

ФАРИА. Янсенисты. Не думаю, что вышло бы иначе.

Торговец уходит вглубь помещения. Фариа снова одевает красную кардинальскую шапку.

ИВАН (*Андрееву*). Рассказ по сути тривиальный. Ведь это давно говорят – Бог один, дороги к нему разные.

АНДРЕЕВ (*жмет плечами*). Говорят, да... Мне нравится, что по-другому: Бог говорит с людьми по-разному. На раз-

ном языке. То есть, с ребенком, юношей и взрослым мы говорим на разном языке. А я сумасшедший, со мной говорят, учитывая соответствующее миротношение и определенную ценность объекта – меня – зависящую от суммы компонентов.

ИВАН. И с разными народами – на разном языке.

АНДРЕЕВ. О, нет. Эти иллюзии! Народы... Этот дикий историко-культурный провинциализм! Его облекли в теорию, из дикости вывели нации, народы и страны. Это смешно, в конце концов. Наследие средневековой ограниченности и варварского эгоизма. Есть человечество... Развитие человечества, потребовало невероятного количества труда – и его собственного, и Провиденциальных сил. Но ценность человечества невелика в сравнении с ценой архангела. Или демиурга, например.

Входит Тюремщик, говорит Андрееву.

ТЮРЕМЩИК. На выход, гражданин. Послабление режима. Мартовский указ до нас дошел.

АНДРЕЕВ (*показывает на Ивана*). А он?

ТЮРЕМЩИК. Кто? (*Не видит*). А. И невидимого друга забирай. Или кого? Домового. Хе-хе, камерного.

Андреев оглядывается, медленно идет к выходу. Тюремщик идет следом. Проходя мимо Фариа, Андреев достал крест Аввакума и надел через кардинальскую шапку на аббата.

АНДРЕЕВ. Единый храм воздвигнут будет. Пора. Сияю-

щий, единый и всечеловечий. Переходят на новый язык, в новую церковь... люди. Человечество стало... мы стали лучше, мы заслужили новой жизни (*идет, выходит в дверь*)

ТЮРЕМЩИК (*сделал несколько шагов, говорит в спину Андрееву*). И ничего не заслужили. Не изменились ни на чуть. (*В сторону*). Печально. Но не заслужили.

ЗАНАВЕС